18+

Михаил Волченков

КАРАУЛ

Михаил Волченков

Караул

«Издательские решения»

Волченков М. В.

Караул / М. В. Волченков — «Издательские решения»,

Однажды ночью Анна просыпается и обнаруживает, что Павел сидит на кровати. Его глаза открыты, но он не отвечает на её голос.Утром Павел ничего не помнит. Сначала этому находится простое объяснение: сомнамбулизм. Неприятно, немного пугающе, но ничего необычного. Однако ночные эпизоды повторяются, и Анна начинает замечать детали, которым не может найти объяснения.Самое страшное — не увидеть что-то в темноте. А понять, что кто-то другой это видит.

© Волченков М. В.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1 6
Глава 2 12
Глава 3 19
Конец ознакомительного фрагмента. 24

Караул

Михаил Вячеславович Волченков

© Михаил Вячеславович Волченков, 2026

ISBN 978-5-0071-8029-0
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Матрас выправился под Анниным бедром, и она проснулась, уверенная, что Павел встал за водой.

Обычно он сперва садился, искал ступнями тапки, потом негромко ругался, потому что один опять оказался под кроватью. Теперь пружины перестали двигаться, а шагов не было. Анна лежала к нему спиной и ждала шороха. В батарее щёлкнуло. Из двора на потолок пополз свет фар, надломился у карниза и исчез.

— Мне тоже принеси, — сказала она.

Павел не ответил.

Она повернулась, придерживая одеяло у подбородка. Он сидел на своей половине, положив руки поверх ткани, и смотрел на дверь. Ноги оставались в постели. Плечи под серой футболкой были подняты; из-за этого шея казалась короче. Анна подумала, что ему плохо, и приподнялась на локте.

— Паш?

Его голова начала поворачиваться.

Ничего особенного: человек услышал, что его зовут. Анна ещё успела подумать это, пока лицо разворачивалось к ней, проходя через слабый свет из-за шторы. Но движение продолжалось слишком ровно. Павел не шевельнул плечами, не втянул живот, как делал, когда долго сидел согнувшись. Повернулась только голова.

Она увидела открытые глаза.

— Что?

Он смотрел на неё молча.

С кровати был виден прямоугольник двери и часть коридора. Ночью там горел маленький светильник у пола: Павел воткнул его в розетку после того, как Анна наступила на штекер зарядки. Дверь они оставляли приоткрытой. Свет падал на край его щеки, а рот и вторую половину лица прятала тень. Она знала это лицо в любом освещении — в вагоне метро, под лампой стоматолога, в телефонном экране, когда он звонил с объекта, — и сейчас никак не могла узнать выражение.

— Тебе плохо?

Анна высвободила руку. Одеяло сползло, и голое предплечье сразу остыло.

Павел продолжал смотреть.

Она потянулась к его запястью, но остановилась, не дотронувшись. В этом коротком расстоянии между её пальцами и знакомой рукой обнаружилось что-то постыдное: ей не хотелось, чтобы он двигался. Ещё меньше ей хотелось, чтобы он оставался так.

Вечером они ели на кухне картошку со вчерашней рыбой. Павел рассказывал, как на работе пропустили машину к шлагбауму по фотографии пропуска, а потом спорили, считается ли фотография машины тоже машиной. Анна смеялась, хотя думала о заказе, который нужно было передать в печать до десяти утра. Он заметил, взял её телефон, перевернул экраном вниз и положил рядом свою вилку.

— Две минуты, — сказал он. — Дай мне хотя бы закончить позор человечества.

Она дала ему две минуты. Потом ещё двадцать. Они разошлись по комнатам, она всё-таки отправила макет, а он починил молнию на её куртке, ворча на нижний штифт, который она каждый раз вставляла криво. Перед сном принёс куртку в спальню и заставил застегнуть самой.

Теперь эта же рука лежала на одеяле. Большой палец упирался в ткань так сильно, что ноготь побелел.

— Павел. Посмотри на меня.

Он уже смотрел, и от бессмысленности собственной просьбы она окончательно проснулась.

За стеной прошла вода по стояку. Где-то выше уронили предмет, лёгкий, скорее пластиковый. Дом продолжал жить тем остатком жизни, который бывает после полуночи: кто-то поздно вернулся, кто-то не спал с ребёнком, кто-то забыл перекрыть кран. Анна прислушалась к этим звукам с неожиданной благодарностью.

У Павла дрогнули губы. Она наклонилась ближе, надеясь услышать слова.

Его глаза переместились.

Совсем немного — к её левому плечу. Анна поняла это по тому, как исчезло ощущение встречного взгляда. Он смотрел на место за ней или возле неё; расстояние определить было невозможно.

Она не обернулась.

Одеяло лежало у пояса, футболка сползла с плеча. Анна подтянула ткань вверх, медленно, двумя пальцами, боясь задеть Павла. Пока она двигала рукой, его взгляд оставался возле её плеча.

— Ты спишь?

Он втянул воздух через нос. Вдох оказался коротким, с задержкой, будто ему мешало дышать что-то тесное на груди. Анна услышала второй такой вдох.

До выключателя настольной лампы было полметра. Она нащупала тумбочку, задела очки. Дужка звякнула о стеклянную тарелочку, где лежали серьги. Анна вздрогнула от собственного шума.

Лампа не зажглась с первого нажатия. Надо было повернуть маленькое колёсико на проводе; она нажимала на него, как на кнопку, и не понимала почему. Наконец под пальцем хрустнул пластик.

Комната стала жёлтой.

У Павла были совершенно обычные глаза. Красноватые белки, складка у переносицы, короткая светлая ресница, прилипшая к веку. Он смотрел мимо Анны, за её плечо, где находились стена и сложенное вдвое покрывало на стуле. Рот чуть приоткрыт. По верхней губе блестел пот.

Стул был пуст.

Анна успела увидеть его, потому что всё-таки повернулась, всем корпусом сразу, и локтем зацепила подушку.

— Паш, пожалуйста.

Она положила ладонь ему на предплечье.

Кожа была тёплой. Под кожей напряглись мышцы, но он не отдёрнул руку. Ей хотелось встряхнуть его, сильно, чтобы знакомое лицо вернулось разом, с раздражением, с вопросом, что случилось. Вместо этого она погладила предплечье большим пальцем.

— Ложись. Слышишь? Давай ляжем.

Павел медленно опустил голову. Посмотрел на её руку. Анна почти сказала «ну вот», но он ещё не смотрел осмысленно: глаза задержались на пальцах, прошли дальше, к краю кровати.

Потом он сдвинулся в её сторону.

Анна отпрянула прежде, чем успела решить, что делает. Её спина упёрлась в стену. Павел подтянул колено, развернулся и лёг на бок, лицом к ней, оставив на своей половине узкую полосу смятой простыни. Выдохнул. Его губы сомкнулись.

Она сидела, прижавшись плечом к холодным обоям.

— Паша.

Он спал.

Подушка под его щекой медленно распрямлялась. Через несколько секунд дыхание стало глубоким и неровным, с привычным тихим посвистом на выдохе. Анна коснулась его лба. Он поморщился, перевернулся спиной и подтянул одеяло к плечу.

В телефоне было 01:43.

Сколько прошло до того, как она посмотрела на часы, Анна не знала. Они легли около двенадцати. Утром Павлу нужно было к девяти, ей — раньше.

Она оставила лампу гореть.

Сперва сидела, потом легла поверх края одеяла. Свет мешал, но выключить его означало снова протянуть руку к тумбочке и повернуться спиной к комнате. Анна лежала с открытыми глазами, разглядывая шов на наволочке. На шее Павла, у линии волос, было маленькое красное пятно от подушки. Она видела его сотни раз.

Через некоторое время он перевернулся и протянул руку к ней во сне.

Анна задержала дыхание.

Ладонь легла ей на талию. Тяжёлая, горячая, совершенно безвольная. Она обхватила его запястье, уже не пытаясь разбудить, и держала так, пока во дворе не заработала машина, долго прогревая двигатель.

Утром Павел спросил, почему она спала при свете.

Он стоял у плиты и ждал, пока поднимется кофе. На правой ноге был домашний тапок, на левой — носок; второй тапок, очевидно, остался под кроватью. Анна смотрела на полосатый носок и удивлялась, как быстро человек возвращается в свой обычный размер.

— Ты ничего не помнишь?

Павел убавил огонь.

— Что я должен помнить?

— Ночью ты сидел. Долго. Я с тобой разговаривала.

Он обернулся. Её чашка уже стояла на столе, с ложкой внутри, хотя она много раз просила не оставлять ложку: та мешала пить. Анна вынула её и положила на блюдце.

— Во сне?

— Я не знаю.

— А что говорил?

— Ничего.

Он поднял турку с плиты. Кофе начал оседать, и Павел, выждав, поставил её обратно.

— Смотрел на тебя?

Анна кивнула.

— Слушай, у меня в детстве было.

Она почему-то обиделась. В этом спокойном «было» её ночь сразу оказалась чем-то известным, семейной историей, которую ей просто забыли рассказать.

— Ты ходил во сне?

— Пару раз. Мать находила в коридоре. Один раз на кухне сидел.

— И ты мне не говорил?

— Аня, я тебе и про ветрянку не рассказывал. Мне лет восемь было.

— Ты сегодня тоже выглядел не очень разговорчивым.

Он улыбнулся, но, заметив её лицо, перестал. Разлил кофе, отнёс турку в раковину и сел напротив.

— Сильно испугалась?

Она хотела сказать «нет». Хотела отделить разумную часть себя, которая сейчас сидела на светлой кухне, от той, что боялась протянуть руку к выключателю. Но Павел ждал ответа, и Анна сказала:

— Да.

Он не пошутил.

В открытую кухонную дверь просматривался коридор. У входа стояла тёмная обувница, которую они когда-то втаскивали вдвоём, уверенные, что небольшая мебель не может столько весить. Павел потом разобрал её и показал Анне внутреннюю плиту, толстую, словно хозяин собирался хранить там станок. На обувнице лежал его свёрнутый шарф, а над ней висела её старая куртка. Застёгнутая молния теперь доходила до самого воротника.

Анна рассказала про руки поверх одеяла, поворот головы, взгляд возле её плеча. Последнее оказалось труднее всего. Ей казалось, стоит произнести это вслух — и Павел непременно посмотрит за неё, хотя сейчас позади была мойка.

Он не посмотрел.

— Может, я вообще ничего не видел, — сказал он. — Глаза открыты, а человек спит.

— Да. Наверное.

— Ты меня будила?

— Звала. Трогала. Потом ты лёг.

Он поджал губы и провёл ладонью по лицу.

— Сегодня лягу нормально.

— Мы вчера и так…

— До этого две ночи по пять часов. И позавчера объект.

Анна знала про объект: в подземном переходе меняли автоматику, и Павла вызвали после того, как система отказалась принимать новый блок. Он вернулся около трёх, не стал ужинать, а утром снова уехал. Знание давало достаточно удобное объяснение, чтобы за него взяться.

Она обхватила чашку.

— Может, к врачу?

— Если повторится — пойдём.

Павел сказал это легко, без обещания из вежливости. Он не любил врачей ровно настолько, насколько не любил очереди, раздетые плечи и заполнение одной и той же анкеты в трёх разных окнах. Когда заболело колено, записался сам.

— Договорились?

— Договорились.

Он протянул руку через стол и коснулся её пальцев.

— Я ночью тебя не задевал?

— Нет.

— Хорошо.

В этом слове была его собственная тревога. Анна услышала её с опозданием и перевернула ладонь, чтобы взять его руку. Теперь ей захотелось облегчить ему утро, сказать, что ничего страшного, что сидел и сидел. Но он уже знал, что она испугалась, и успокаивать его неправдой не имело смысла.

Павел встал искать тапок. Анна допила кофе, который стал слишком крепким, и отправила на работу сообщение, что опоздает минут на двадцать.

В типографии тепло шло от машин раньше, чем включали обогреватель в офисе. К девяти воздух приобретал знакомый запах бумаги и клея; Анна всегда переставала замечать его минут через десять, зато вечером чувствовала на волосах.

На её столе лежали три образца коробки для кондитерской. Заказчица хотела «более тёплый белый», но всякий раз выбирала под ярким холодным светом телефона. Анна подвинула образцы к окну, подписала с обратной стороны и набрала номер.

Пока шли гудки, она увидела в стекле собственное отражение: под глазами темнело, волосы с одной стороны примяты. Павел тоже смотрел утром на её лицо. Не сказал, что плохо выглядит. Обычно говорил.

— Анна, я сейчас не могу, — ответила заказчица. — У меня разгрузка.

— Тогда я пришлю вам фото при дневном свете. Но утверждать нужно по образцу.

— А нельзя сделать тот же, что в прошлый раз?

В прошлый раз она тоже хотела более тёплый белый.

Анна прижала телефон плечом, доставая папку. Работа состояла из сотен таких разговоров, небольших несогласий, которым следовало придать форму: указать срок, найти предыдущий вариант, договориться, кто заберёт тираж. Ей нравилось, когда разговор завершался ясным действием. Вчера вечером оставалось двенадцать вопросов; сегодня к обеду их должно было стать пять.

На втором звонке она забыла имя человека, с которым работала два года.

— Простите, секунду.

Имя лежало где-то рядом, как слово на кончике языка. Она посмотрела в список контактов и продолжила уже слишком бодрым голосом.

В обед Павел прислал фотографию.

На ней была кастрюля с супом и подпись: «Доказательство цивилизованной жизни». Он заехал домой между заявками и разогрел еду. Анна увеличила изображение, хотя смотреть было не на что: суп, половник, его колено в джинсах.

«Ложись сегодня раньше», — написала она.

Потом стёрла и отправила: «Хлеб купи».

Он ответил: «Цельнозерновой или вкусный?»

Она улыбнулась в пустую коробку из-под обеда.

На следующий вечер они собирались в магазин за лампочкой для ванной. Павел вспомнил об этом уже в прихожей, когда Анна надела ботинки.

— Нужен цоколь посмотреть.

— У тебя была фотография.

— Она была в старом телефоне.

— Ты месяц его менял. Можно было…

Она остановилась.

Павел поднял брови.

— Да, можно было перенести именно фотографию цоколя. Из всех трёх тысяч — её.

Он вернулся в ванную, а Анна осталась на обувнице, застёгивая куртку. Молния пошла ровно. На девятом году совместной жизни такие вещи имели больше значения, чем она готова была признать: кто-то помнит, что ты каждый день мучаешься с застёжкой, и чинит её, пока ты занята чужими упаковками.

В дверь позвонили.

Анна открыла. Из-за створки пришлось отойти в сторону: дверь ходила внутрь, упираясь при полном открытии в резиновый ограничитель. На площадке стоял сосед из квартиры напротив, крупный мужчина в куртке поверх футболки. Она знала, что его зовут Сергей, и что летом он таскал домой велосипеды по одному колесу.

— У вас вода горячая идёт?

— Вроде да.

Павел из ванной крикнул:

— Еле тёплая. Минуту сливал.

Сергей кивнул, как будто именно этого и ожидал.

— Понял. Позвоню ещё раз. А то мне говорят, только моя квартира жалуется.

— Скажите, семьдесят третья тоже, — сказал Павел, выходя с лампочкой.

— Запишу.

Сосед записал номер квартиры на ладони шариковой ручкой. Анна заметила, что на запястье у него уже были цифры и половина слова, смытая водой.

В лифте Павел понюхал лампочку.

— Что ты делаешь?

— Не знаю. Проверяю, не испортилась ли.

Анна засмеялась. Смех получился неожиданно громким в тесной кабине. Павел тоже улыбнулся и положил лампочку в карман.

Они дошли до хозяйственного, купили слишком большой пакет губок и две лампочки, потому что вторая стоила почти ничего. На обратном пути Павел предложил свернуть за пирогом. Анна сказала, что дома еда, но свернула вместе с ним.

Уже у подъезда она спросила:

— Сегодня ночью ты нормально спал?

— Да.

— Я тоже ничего не слышала.

Он взял у неё тяжёлый пакет.

— Значит, нормально.

Она хотела спросить, не слишком ли быстро он решил. Вместо этого нажала кнопку домофона.

Павел лёг в половине одиннадцатого. Некоторое время читал с телефона, затем положил его экраном вниз и спросил, будет ли Анна ещё работать.

— Минут двадцать.

— У тебя двадцать минут вчера были до без четверти двенадцать.

— Сегодня настоящие.

Она закончила за семнадцать, с маленьким удовлетворением отметив это про себя, и выключила компьютер.

В спальне Павел уже спал. Лежал к двери спиной, одну руку сунув под подушку. Анна поставила стакан воды на тумбочку и прислушалась.

Дыхание было ровным.

Она разделась, подняла одеяло и легла, стараясь не потревожить матрас. Прежде обычно ложилась как придётся: Павел спал крепко, ворчал, если она тянула одеяло, и снова затихал. Сейчас Анна осторожно распределила вес, медленно опуская плечо.

Потом поняла, что слушает не его дыхание, а ожидаемый скрип пружин.

Она повернулась на бок и закрыла глаза.

Глава 2

На третью ночь Анну разбудил свет.

Он лежал на потолке широкой белой полосой. Ночник у пола так не светил; в коридоре горела верхняя лампа. Анна провела рукой по простыне и сразу села.

— Паша?

Из кухни донёсся короткий скрип.

Она надела тапки, взяла телефон с тумбочки. Время было 02:26. Экран погас, пока она шла к двери.

Павел стоял в кухонном проёме, вполоборота к Анне, и смотрел в сторону прихожей. Правая рука лежала на косяке, за спиной оставались стол и табурет. Отсюда Анна видела его затылок и открытый участок коридора: куртки, обувницу, входную дверь. Дверь была закрыта. Свет из кухни падал на босые ступни.

— Ты за водой?

Он не обернулся.

Анна сделала шаг и остановилась. Правая ступня Павла медленно скользнула назад. Он поставил её на пол, перенёс вес, потом подтянул левую.

Это было похоже на движение человека, перед которым вытирают пол.

— Паш, я здесь.

На этот раз он услышал: голова немного повернулась, но не до конца. Анна успела разглядеть щёку, напряжённую складку возле рта. Он прижался плечом к косяку, освобождая ещё несколько сантиметров прохода.

Она посмотрела туда, куда он смотрел.

По прихожей было разбросано совсем немного света. Под вешалкой чернели две пары обуви. Ручка входной двери блестела. Один рукав её куртки висел ниже другого; Павел цеплял куртку за петлю, она — за воротник.

— Пойдём в спальню.

Анна подошла сбоку и положила ладонь ему между лопаток.

Павел выгнулся вперёд.

Движение было быстрым и странно маленьким, словно он хотел уйти от прикосновения, не отрывая ноги от пола. Анна убрала руку. Он снова начал пятиться, теперь от косяка к кухонному столу.

— Осторожно.

Табурет стоял у самого проёма. Вечером Павел на нём менял лампочку в ванной; потом принёс на кухню и оставил там, где было свободно. Анна видела одну светлую ножку возле его пятки.

— Паша, стой.

Она схватила табурет за край сиденья.

Он уже перенёс вес назад. Деревянный край ударил его выше колена, табурет вырвался из её пальцев и проехал по линолеуму. Павел махнул рукой, ударил ладонью по стене. Анна вцепилась в его футболку сзади, ощутила, как растянулся ворот, и упёрлась ногой в порог кухни.

Он не упал.

Несколько секунд они стояли неловко: она держала ткань двумя руками, он упирался в стену, а между ними наискосок торчал табурет.

— Что… — сказал Павел.

Анна отпустила футболку.

Он посмотрел на неё. Зрачки были широкими, лицо — заспанным и сердитым.

— Ты куда?

— Я никуда. Это ты.

Он убрал руку от стены, прижал её к бедру и глубоко вдохнул.

— Ударился?

— Сядь.

— Подожди.

Она отодвинула табурет, придвинула стул от стола. Павел сел боком, вытянув ногу, и посмотрел на босую ступню. Потом на Аннины тапки. Вопрос в его лице был почти детский, и она отвернулась к шкафчику, чтобы он не увидел её ответ.

— Воды?

— Да.

Она налила полстакана и поставила перед ним. Он пил маленькими глотками, поморщился, когда шевельнул ногой.

— Я опять?

Анна кивнула.

— Ходил?

— Стоял здесь. Потом стал отходить.

— От чего?

— Не знаю.

Он посмотрел в коридор.

Пока Павел смотрел, Анна увидела собственные руки. Пальцы всё ещё были согнуты, как будто держали футболку. Она разжала их по одному.

— Давай свет оставим, — сказала она.

— Конечно.

Он произнёс это сразу, и ей стало чуть легче.

На бедре к утру появилось пятно величиной с ладонь. Павел осматривал его в ванной, подняв край шорт, и делал вид, что рассматривает чужую неудачную работу.

— Красиво, — сказал он.

Анна стояла в дверях с холодным пакетом, завёрнутым в полотенце.

— Посиди ещё.

— Мне надо собираться.

— На пятнадцать минут.

Он забрал пакет.

— Ань, я могу сам приложить.

Она отступила из дверей.

Они почти не спали после кухни. Павел долго лежал на спине, не двигаясь, и по этому неподвижному дыханию Анна поняла, что он тоже ждёт. Когда за окном стало светлеть, он повернулся к ней и спросил, трогал ли что-нибудь. Она рассказала ещё раз, стараясь не добавлять новых подробностей. Каждое повторение делало её свидетелем более уверенным, чем она была.

В восемь она позвонила в центр сна, который нашла по дороге в ванную. Ближайшее время оказалось через два дня.

— Пятница, шестнадцать тридцать, — сказала она Павлу.

— У меня выезд.

— Другого времени нет.

Он положил вилку.

— Я перенесу выезд.

Анна открыла рот, собираясь объяснить, почему переносить необходимо, и закрыла. Он уже согласился.

После завтрака Павел поднял табурет.

— На балкон?

— В кладовку.

— У нас нет кладовки.

— Значит, в гостиную. К столу.

Он поставил табурет под письменный стол. Анна убрала зарядку, лежавшую поперёк коридора, отнесла корзину для белья в ванную и подняла с пола сумку. Обычная квартира, в которой они девять лет свободно ходили с закрытыми глазами, за десять минут обнаружила множество мест, где можно споткнуться.

У входа Павел задержался перед обувницей.

— Эту не сдвинуть случайно.

Он нажал на верхнюю крышку. Тяжёлая мебель не шелохнулась.

— И проход свободный, — сказала Анна.

Павел кивнул. Достал ключи, проверил карманы.

— Ты зачем смотришь?

— Как?

— Так, будто я сейчас снова пойду куда-нибудь.

Она отошла к вешалке и поправила рукав куртки.

— Извини.

— Я днём нормальный.

— Я знаю.

Он не стал продолжать. Поцеловал её в висок и вышел, осторожно, чтобы дверь не ударилась об ограничитель.

На работе Анна передала тираж открыток в печать, забыв приложить исправленную оборотную сторону.

Ошибку заметили на приладке. Мастер принёс ей лист, ткнул пальцем в старый номер телефона и сказал:

— Это уже точно?

Вопрос был спокойным. Оттого Анне стало хуже.

Она открыла папку и увидела две версии с одинаковым временем сохранения. Обычно ей хватало одного взгляда, чтобы понять, какая нужная. Сейчас она сравнивала цифры по одной.

— Остановите. Пять минут.

— Уже остановили.

— Спасибо.

Она исправила заявку, отнесла новый образец лично. По дороге через цех задела бедром угол стола и невольно вспомнила Павла: вытянутую ногу, его лицо, когда он искал объяснение своему положению на кухне.

В обед он позвонил сам.

— Я шёл куда-то определённо?

Анна ушла из офиса в коридор.

— Не поняла.

— Ну, к двери. Или за водой. Как это выглядело?

— Ты стоял у кухни и отступал.

— Назад?

— Да.

Он помолчал.

— А если бы меня не остановили?

Анна смотрела на стопку пустых картонных втулок у стены. Нижняя выехала вперёд, вся стопка держалась криво. Ей захотелось сейчас же поправить её.

— Я была рядом.

— Я понял.

Впервые за разговор он прозвучал раздражённо.

Она присела и сдвинула втулку на место.

— Мы пойдём к врачу, — сказала она.

— Да. Я помню.

Вечером Павел отказался от кофе. Анна тоже, хотя хотела.

Они долго выбирали фильм, потом выключили через десять минут: слишком громко разговаривали люди, слишком быстро менялись освещённые комнаты. Павел лёг на диван, положив ушибленную ногу на подушку, а Анна устроилась в другом конце с ноутбуком.

— Ты про это читаешь?

Она не успела свернуть страницу.

— Немного.

— Есть что-нибудь полезное?

На экране было сразу семь вкладок. В одной рассказывали, что лунатиков нельзя будить, в другой — что можно; в третьей человек уверял, будто сосед по комнате каждую ночь собирал разобранный радиоприёмник и утром не помнил. Анна уже потратила сорок минут, но полезного у неё было меньше, чем до поисков.

— Пока нет.

Павел кивнул.

— Тогда почитай что-нибудь другое.

Она закрыла ноутбук.

Некоторое время они лежали, касаясь ступнями. Внизу кто-то выводил собаку, и та нетерпеливо царапала входную дверь подъезда. Сквозь приоткрытое окно доносился голос хозяина, уговаривавшего её подождать.

Павел спросил:

— Ты теперь будешь каждую ночь слушать?

Анна не сразу ответила.

— Не знаю, как перестать.

Он погладил её щиколотку большим пальцем.

— Я тоже.

Елена Сергеевна слушала Павла, повернувшись к нему вместе с креслом. Анна сидела немного сзади, возле стола, на котором лежала коробка бумажных салфеток. Когда Павел замолчал, она начала рассказывать про кухню, но врач подняла палец.

— Сейчас вы. Павел, а вы сами что помните последним?

— Что лёг. Потом уже сижу на стуле, нога болит.

— Головой не ударялись?

— Нет, — сказала Анна.

Врач посмотрела на неё.

— Вы видели?

— Да. Я его удержала.

Елена Сергеевна кивнула и сделала запись.

Они говорили о ночных выездах, о том, сколько Павел спит в обычные дни, о детских эпизодах, лекарствах, храпе. Анна отвечала на вопросы раньше, чем успевала понять, кому они адресованы. На третьем Павел положил ладонь на край её стула.

— Я знаю, во сколько ложусь.

Она села глубже.

Врач не произнесла ничего о стрессе как универсальном объяснении. От этого Анне стало спокойнее. Елена Сергеевна не пыталась сделать историю маленькой, но и не увеличивала её: уточняла, отделяла виденное от предположений, иногда возвращалась на полшага назад.

— По вашему описанию это похоже на эпизоды неполного пробуждения, — сказала она. — Человек может сесть, встать, идти, а на обращение отвечать плохо или вовсе не отвечать. Открытые глаза ещё не означают, что он проснулся.

— А страх? — спросила Анна.

— Что именно вы называете страхом?

— Как он отступал. Держался за стену.

Елена Сергеевна посмотрела на Павла.

— Вы что-нибудь вспоминаете? Сон, ощущение?

— Нет. Это больше всего и…

Он потёр пальцем подлокотник.

— Я не знаю, что я делаю.

— Поэтому нам нужно разобраться. И уменьшить риск, пока разбираемся.

Она записала, что Павел должен принести к следующему приёму, объяснила, как организуют ночное обследование и почему одной хорошей ночи для выводов недостаточно. Свободное место для ночного исследования нашлось на вторник через одиннадцать дней. Павел сам достал телефон и записал дату.

Анна спросила:

— Его можно будить?

— Осторожно, если необходимо. Не нужно трясти и пугать. Иногда достаточно спокойно направить в кровать. Но если есть опасность упасть, безопасность важнее попытки вести себя идеально.

Павел коротко усмехнулся.

— Идеально у нас пока не вышло.

— Вы оба не обязаны сразу всё уметь.

На выходе Анна держала лист с рекомендациями так аккуратно, словно на нём было разрешение снова жить нормально.

Павел уехал передать коллеге оборудование, а Анна встретилась с Ольгой.

Кафе находилось за углом от клиники. Внутри пахло мокрой одеждой и тёплым тестом, на столах стояли маленькие суккуленты, давно потерявшие форму от недостатка света. Ольга уже сидела у стены, поставив рядом два пакета с папками.

— Я больше не делаю фестиваль, — сказала она вместо приветствия.

— Какой из?

— Любой. Жанр закрыт.

Анна сняла куртку.

Ольга работала в культурном центре и каждую осень обещала найти место, где после слова «утверждено» ничего не меняется. В этот раз руководитель передвинул мероприятие на две недели, не спросив ни музыкантов, ни тех, кто успел купить билеты. Ольга рассказывала о нём без обычной злости, и Анна поняла, что дело серьёзнее.

— Ты действительно уходишь?

— Я сегодня открыла резюме.

— И?

— Закрыла. Там фотография, на которой я верю в культуру.

Анна рассмеялась, но Ольга не подхватила. Она смотрела на пакеты.

— У меня на три месяца хватит, если экономить. Я всё равно не ухожу.

— Почему?

— Потому что они без меня не…

Ольга махнула рукой.

— Сама слышу.

Анна хотела дать совет. Ей сразу представились список расходов, сроки, два знакомых, которым можно написать. Но Ольга заказывала суп, и между их разговором и следующим вопросом официантки образовалась пауза, в которую Анна успела понять: от неё сейчас ждут не плана.

— Давай поедим, — сказала она.

— Вот это профессиональная помощь.

Потом Ольга спросила про врача.

Анна рассказала немного: Павел ходит во сне, один раз ушибся, будут обследовать. Сидящего в темноте мужчину оставила при себе.

— А ты сама спишь?

— По-разному.

— Нормальный ответ. Как «деньги есть, но небольшие».

Анна сжала салфетку. Ольга заметила.

— Можешь ко мне. Хоть на одну ночь.

— А он?

— Он тоже может, только диван у меня без обещаний. Или я к вам приду. Не знаю. Предлагаю, что есть.

Анна поблагодарила. Они ещё полчаса обсуждали Ольгино резюме. Когда расходились, подруга забыла один пакет; Анна догнала её у светофора и отдала, не сказав привычного «ну вот, а ты».

Домой она вернулась с супом в контейнере для Павла и впервые за три дня с ощущением, что в городе происходит что-то ещё.

Камеру выбирали вместе.

Павел сидел за компьютером, Анна — на подлокотнике дивана. Врач сказала, что короткая запись эпизода может оказаться полезной, если её можно сделать без риска и если Павел согласен. Теперь одинаковые белые устройства обещали видеть в полной темноте, разговаривать с домашними животными и следить за ребёнком.

— Ребёнка мы к ней не покупаем, — сказал Павел.

— Эта просто дешевле.

— Она ещё и мяукает, судя по описанию.

— Это динамик.

— Тем более.

Они выбрали неподвижную камеру с картой памяти. В соседнем магазине она была в наличии; Павел сходил за ней, пока Анна разогревала суп. Когда вернулся, настоял, чтобы доступ был у обоих.

— Конечно, — сказала Анна. — Это же твоя запись.

Ему не понравился угол над спальней. Там было видно кровать, и он сказал, что не хочет каждое утро просматривать, как ворочался и поправлял трусы.

— Мне тоже не нужен фильм обо всём сне, — согласилась Анна.

Камеру поставили на полку в гостиной, возле открытого дверного проёма. Если повернуть её чуть вправо, в кадр попадали коридор, входная дверь и край кухни со столешницей.

Спальня оставалась за ближней стеной. Анна прошла по коридору, а Павел следил за изображением в телефоне.

— Тут видно?

— Да.

— А здесь?

— Только плечо. Встань ближе к кухне.

Она встала. На собственном экране увидела себя сверху, немного сутулую, в домашней кофте, и выпрямилась.

— Вообще-то странно, — сказала она.

— Я ровно про это.

Он придвинул камеру к краю полки и закрепил провод так, чтобы тот не свисал в проход.

Они убрали с коридорного пола обувь и перенесли инструментальный ящик в закрывающийся шкаф. Павел проверил оконные ручки. Входную дверь заперли как обычно, без дополнительных засовов; ключи лежали у обоих. Анна заметила, как он посмотрел на них, но не стала спрашивать.

— Если я ночью встану, ты меня не оставляй ради этой штуки, — сказал Павел.

— Я понимаю.

— Просто говорю.

Он включил запись и поставил телефон на зарядку.

После душа Анна прошла через гостиную. На камере горел синий огонёк. Она задержалась возле полки и коснулась корпуса: пластик был прохладным.

В первый раз с начала этой недели в квартире оставалось что-то, способное смотреть, пока она спит.

Эта мысль принесла облегчение настолько быстрое, что Анна не успела ему возразить.

В спальне Павел спросил, куда делся табурет.

— Под столом.

— Точно.

Он лёг, вытянул ноги и поморщился, повернув ушибленное бедро. Пятно уже расплывалось по краям.

Анна выключила лампу. Ночник оставили в коридоре. Верхний свет можно было включить и у входа, и возле спальни; Павел ещё вечером проверил оба выключателя. Анна нашла ближний, протянув руку за косяк, и вернулась в постель.

Она положила телефон экраном вниз.

Через несколько минут ей захотелось посмотреть, идёт ли запись. Она уже коснулась телефона, но Павел, не открывая глаз, спросил:

— Что-то забыла?

— Нет.

Анна убрала руку под одеяло.

Он нашёл её пальцы. Некоторое время держал, потом заснул.

Глава 3

Утром приложение предложило Анне восемь событий.

Шесть оказались их собственными перемещениями до сна. На первом Павел нёс из гостиной табурет, чтобы проверить крепление провода, на втором возвращал его под стол. На третьем Анна шла в ванную. Себя она не стала смотреть, провела пальцем дальше.

Седьмое событие началось в 01:12.

Павел появился в нижней части кадра, сначала плечо и макушка, затем вся спина. На записи он казался выше и худее: камера растягивала коридор к верхнему краю, как дешёвое зеркало. Он дошёл до кухни и остановился.

Анна лежала в кровати с телефоном над лицом. Рядом Павел ещё спал.

Человек на экране поднял правую руку. Его пальцы легли на край столешницы в открытом кухонном проёме.

Пауза длилась одиннадцать секунд.

Анна перестала дышать в такт записи.

Павел медленно отступил в кухню, насколько позволяла столешница, и повернулся боком. Пальцы не разжались. При слабом свете ночника было видно, как он прижал большой палец к остальным, стиснув край.

Ничего больше не происходило.

Куртки у входа висели неподвижно. Дверь была закрыта. На светлом линолеуме лежала узкая тень кухонного косяка.

Павел ещё немного отвёл плечо, освобождая пустой коридор.

Анна села.

Рядом зашевелилось одеяло.

— Который час?

Она опустила телефон.

— Восемь.

— Чего не спишь?

— Паш. Тут есть запись.

Он открыл глаза сразу.

Несколько секунд смотрел на неё, потом сел, взял очки с тумбочки. Анна подвинулась, чтобы он мог видеть экран.

— Сначала включи, — сказал он.

Она вернула ползунок в начало.

Он смотрел молча. На экране его рука снова легла на столешницу. Снова побелели пальцы.

— Я так и стоял?

— Дальше не видела.

Они досмотрели вместе.

Через сорок с небольшим секунд Павел отпустил край. Повернул голову в сторону спальни, сделал два шага и вышел из кадра. Движение закончилось. Приложение предложило следующее видео — утреннее, с Анной, выходящей в ванную.

— Я к тебе вернулся? — спросил Павел.

— Ты здесь.

Он снял очки.

Анна пожалела об ответе. Он спрашивал не о том, что лежит сейчас рядом; между двумя состояниями прошло семь часов, которых он не помнил.

— Я не просыпалась, — сказала она. — Ничего не слышала. Наверное, сразу вернулся.

— Покажи ещё.

Она протянула телефон, но он взял свой.

На кухне Павел поставил ладонь на то место, за которое держался ночью. Наклонился, проверил край. Анна стояла в дверях.

— Больно?

— Нет.

Он отвёл руку.

— Что?

— Ты отступаешь, — сказала она.

— Я вижу.

— Будто кому-то место…

Она не договорила.

Павел посмотрел в коридор. Свет днём доходил до обувницы, на лакированной крышке белело прямоугольное отражение окна.

— Я могу реагировать на то, чего нет, — сказал он.

— Да.

Анна знала, что это разумная фраза. Она сама могла бы её произнести. Но, стоя на кухне, обнаружила, что поджимает пальцы ног, чтобы не выступали за порог.

Павел открыл кран, долго ждал горячей воды.

— Ты видела, как я держусь?

— Видела.

— Я этого никогда так не делаю.

Он снова взглянул на край столешницы. Потом достал чашки.

За завтраком он попросил не смотреть записи без него.

Анна сперва решила, что ослышалась.

— А если ты на работе?

— Тогда вечером.

— Врач может спросить…

— Врачу пошлём вместе. Я про себя узнаю после тебя. Мне это не нравится.

Она открыла рот и закрыла.

На столе лежали два телефона с одинаковым приложением. Анна ещё видела на своём остановленный кадр. Она погасила экран.

— Хорошо.

Он кивнул и поднял чашку.

Рука у него едва заметно дрожала. Анна перевела взгляд на окно.

После завтрака Павел занялся старой настольной лампой из гостиной. Её выключатель работал через раз; они месяцами ловили нужное положение, подкладывая под основание сложенную бумажку. Теперь он разложил на столе полотенце, перевернул лампу и выкрутил нижний винт.

Анна сидела на диване. Ей нужно было ответить заказчице по поводу коробок, но компьютер не включался: она нажимала не на ту кнопку, а на соседнюю, которую Павел когда-то заклеил маленьким кусочком прозрачной ленты, чтобы не путать.

— Дай.

Он взял ноутбук, провёл пальцем по краю.

— Вот здесь.

— Я знаю.

— Знаешь.

Павел вернул компьютер без улыбки.

Она посмотрела на разобранную лампу.

— Тебе не надоело чинить?

— Она хорошая.

— Она не включается.

— Сейчас будет.

Он работал медленно, привычно откладывая винты в крышку от банки. Анна наблюдала за руками: как он придерживает провод, поворачивает тонкую отвёртку, проверяет соединение. Ночью эти руки двигались чужим способом. Ей было необходимо увидеть, что днём они снова его.

— Ты опять, — сказал Павел, не поднимая головы.

— Что?

— Смотришь.

Она опустила глаза на ноутбук.

Письмо заказчице получилось сердитым. Анна перечитала, удалила половину и отправила три коротких предложения. В комнате щёлкнула лампа. Загорелась.

— Вот.

Павел поставил её на письменный стол и включил ещё раз. Выключил.

Анна подошла и провела ладонью по его спине.

— Я не знаю, как себя вести.

— Как раньше.

— Это не очень получается.

Он выпрямился.

— Тогда хотя бы иногда.

Она кивнула, прижавшись лбом к его плечу. Некоторое время он стоял, держа отвёртку в стороне, потом положил её на стол и обнял Анну.

У него пахло мылом и пылью из старой лампы.

Видеозапись они отправили Елене Сергеевне после обеда, как договорились на приёме. Павел сам выбрал отрывок, начиная с момента появления в кадре, и дописал: «Утром не помню. Травмы нет».

Анна попросила добавить, что он отступал.

— Там видно, — сказал он.

Ответ пришёл ближе к вечеру: врач получила запись, напомнила о режиме и обследовании, попросила сообщать о выходах из квартиры или травмах. Ничего про пустой проход.

Анна несколько раз открыла сообщение, прежде чем поняла, что ждёт слов, которых там не могло быть.

Павел предложил выйти на следующий день.

— На рынок. Потом погуляем.

— В воскресенье там толпа.

— В субботу тоже.

— Сегодня суббота.

— Вот видишь. Сегодня уже не пошли.

Она улыбнулась.

— Давай сегодня. Ещё успеем.

Они оделись без спешки. Павел нашёл в прихожей перчатки, которыми не пользовался с прошлой зимы, и некоторое время удивлялся собственным запасам. Анна выключила свет в кухне и заметила, как перестала различать дальний конец коридора.

Уже на площадке ей захотелось вернуться за телефоном, хотя телефон лежал в кармане.

Она нащупала его сквозь ткань.

Павел придерживал дверь лифта. Внутри стояла женщина с двумя большими пакетами картошки, и Анна поспешила, чтобы не заставлять ждать.

На рынке Павел купил айву.

Анна смотрела, как продавец складывает жёлтые плоды в пакет. У них уже были яблоки, сыр, зелень и банка мёда, которую никто не собирался покупать.

— Что ты будешь с ней делать?

— Пока не знаю.

— Она же твёрдая.

— Это временно.

Продавец, маленький мужчина в вязаной шапке, сказал, что айву надо запекать с мясом. Павел задал ему вопрос, и через пять минут они обсуждали какую-то печь, в которой готовила мать продавца. Анна переступала с ноги на ногу. Ей было холодно и немного смешно: Павел обладал способностью обнаружить человеческую биографию там, где ей нужно было просто расплатиться.

— Аня, подержи.

Он вручил ей пакет и полез за наличными. Карточки продавец не принимал.

Внутри пакета айва пахла так сильно, что запах пробивался даже сквозь мокрый воздух рынка. Анна наклонилась и вдохнула.

— Хорошая, — сказала она.

— Я знаю.

Павел остался у прилавка ещё на минуту. Потом они пошли вдоль рядов, и Анна рассказала ему про заказчицу, которая искала белый цвет теплее всех известных.

— Показала бы ей айву, — сказал он.

— Это жёлтый.

— Зато сразу видно, что тёплый.

Она смеялась, пока они выбирались из толпы. Дважды кто-то толкнул её в плечо, один раз мужчина с тележкой попросил отойти. Анна прижалась к прилавку с соленьями, пропуская его, и вдруг остановилась.

Павел прошёл ещё пару шагов.

— Что?

Она смотрела на собственную руку, которой держалась за край прилавка.

— Ничего.

— Ань.

— Я вспомнила запись.

Он вернулся и забрал у неё пакет с айвой.

— Давай хотя бы здесь об этом не будем.

Она поняла, что он имеет в виду, но обиделась на интонацию.

— Я не специально.

— Я тоже ночью не специально.

Они пошли дальше молча.

У рынка дорога поднималась к скверу. Павел свернул туда, хотя до остановки было ближе в другую сторону. Анна хотела сказать, что пакеты тяжёлые и они обещали гулять после того, как занесут покупки. Не сказала. Её раздражало, что теперь любое обычное замечание пришлось бы проверять: не звучит ли оно как продолжение ссоры.

В сквере с деревьев почти облетела листва. Двое подростков пытались спустить с ветки бумажный самолётик; один швырял каштан, другой руководил издалека. Павел посмотрел вверх.

— Не надо, — сказала Анна.

— Я ещё ничего.

— Ты уже ищешь палку.

Он показал ей обе руки, занятые пакетами.

Они прошли мимо. За спиной каштан попал в ствол с сухим стуком, мальчишки одновременно выругались.

На лавочке у выхода Павел поставил покупки и сел.

— Я тебя не отталкиваю, — сказал он.

Анна осталась стоять.

— Я знаю.

— Кажется, не знаешь.

Она села рядом, оставив между ними пакет.

Уличный шум сюда доходил приглушённым. Из открытой двери пекарни тянуло ванилью. По мокрой плитке бежал маленький мальчик в огромной шапке, за ним шла женщина, уже не пытаясь заставить его держаться за руку.

— Я просыпаюсь, а ты на меня смотришь, — сказал Павел. — И я сразу понимаю: что-то было. Ещё до того, как понимаю, утро или ночь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.